

Обзор источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго ¹⁾.

Свѣдѣнія, почерпнутыя Теофилактомъ изъ паннонскихъ житій, дополнены имъ изъ какого-то источника, въ которомъ шла рѣчь о просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи. Рѣшительность, съ которой заявляетъ объ этой дѣятельности авторъ, а также точная хронологическая дата обращенія Болгаріи говорятъ за то, что онъ воспользовался здѣсь не глухимъ народнымъ преданіемъ, но письменнымъ свидѣтельствомъ, имѣвшимъ для него такую же цѣну, какъ и паннонскія житія. Объ участіи свв. братьевъ въ просвѣщеніи болгаръ онъ упоминаетъ въ двухъ мѣстахъ житія (II и IV гл.), но безъ строгой послѣдовательности въ передачѣ событій, выражаясь довольно туманно и неопредѣленно. Можно съ отчетливостью установить у него три главныхъ сообщенія фактическаго характера; они касаются—а) участія Меѳодія въ обращеніи болгарскаго князя Бориса, б) изобрѣтенія обоими братьями славянскихъ письменъ для болгаръ и перевода св. писанія для нихъ же и в) окончательнаго призванія, или крещенія, болгарскаго народа.

а) Въ отношеніи Меѳодія къ Борису авторъ различаетъ нѣсколько моментовъ. Самый ранній изъ нихъ относится ко времени до моравской миссіи и до путешествія свв. братьевъ въ Римъ. Болгарскаго князя—говоритъ онъ—„великій Меѳодій еще давно сдѣлалъ своимъ чадомъ (*καὶ αὐτὸν μὲν τέκνον ἐποιήσατο*) и плѣнилъ его своимъ языкомъ, прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Затѣмъ Меѳодій „непрестанно осыпалъ

¹⁾ См. „Богосл. Вѣстн.“ 1911 г., № 3.

его благодѣтельными дарами словъ и поученій“ и впоследствии, будучи уже архіепископомъ Моравскимъ (IV).

Извѣстно, что свидѣтельства по вопросу о крещеніи Бориса и болгарскаго народа умалчиваютъ объ участи въ этомъ событіи Меодія или его брата, за исключеніемъ только неяснаго упоминанія у *Симеона Магистра*, продолжателя *Феофана*, *Иоанна Скилицы* и *Кедрина* о какомъ-то живописцѣ Меодіи, поразившемъ Бориса картиною страшнаго суда. Однакожъ, во многихъ памятникахъ, посвященныхъ исторіи Кирилла и Меодія, сохранился цѣлый рядъ отрывочныхъ упоминаній о миссіонерскомъ служеніи въ Болгаріи ихъ обоихъ вмѣстѣ или кого-либо одного изъ нихъ въ отдѣльности. Количество такихъ свидѣтельствъ, собранное А. А. *Шахматовымъ*, можно было бы значительно увеличить ¹⁾. Такъ, Кириллъ представляется просвѣтителемъ Болгаріи въ Солунской легендѣ, Успеніи, Моравской легендѣ, легендѣ о св. Людмилѣ, въ Оломоуцкомъ служебникѣ, у Діоклейскаго священника и др. О проповѣди его въ Болгаріи вмѣстѣ съ Меодіемъ говорятъ служба въ честь ихъ, проложныя житія ихъ и Хиландарская повѣсть. Хотя всѣ эти, какъ и другія, приведенныя А. А. Шахматовымъ, свидѣтельства характеризуются недостаточной опредѣленностью, но взятые въ совокупности они заставляютъ предполагать за собою существованіе особаго сказанія о трудахъ первоучителей въ Болгаріи. Самый ранній отголосокъ этого сказанія сохранился въ службахъ въ честь первоучителей,—памятникѣ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ житіе Климента. Слѣдовательно, съ Климентава біографа слѣдуетъ разъ на всегда снять обвиненіе въ томъ, будто онъ первый пустилъ въ литературный оборотъ преданіе объ участи свв. братьевъ въ просвѣщеніи Болгаріи.

Можно установить и нѣкоторыя подробности предполагаемаго сказанія. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самый способъ выраженія, которымъ характеризуется въ житіи отношеніе Меодія къ Борису: *Меодій сдѣлалъ Бориса своимъ чадомъ*—и въ которомъ заключается мысль о чрезвычайной заслугѣ Меодія въ дѣлѣ обращенія Бориса.

¹⁾ А. А. *Шахматовъ*. Одинъ изъ источн. лѣтописн. сказ. о крещеніи Владиміра. Сборн. въ честь Дринова, Харьковъ. 1908, стр. 68—9.

Это выраженіе очень близко напоминаетъ собою совершенно аналогичныя эпитеты, которыми характеризуетъ свое отношеніе къ Борису патр. Фотій въ своемъ посланіи къ нему. Онъ также называетъ его благороднымъ *чадомъ*, рожденнымъ его духовными заботами (*τῶν ἐμῶν πνευματικῶν ἀδίκων ἐβουρῆς καὶ γνήσιος γέννημα*), духовнымъ сыномъ (*πνευματικὸς υἱὸς υἱέ*), возлюбленнымъ сыномъ (*ἠγαπήσατε ἡμῶν υἱέ*) и т. д. ¹⁾ Изъ посланія Фотія и отчасти изъ соборныхъ актовъ 869 года видно, что Борисъ былъ обращенъ трудами Фотія. Нѣтъ основаній думать, чтобы самъ Фотій лично занимался обращеніемъ болгарскаго князя и чтобы онъ самъ путешествовалъ въ Болгарію для крещенія его. Но еслибы даже это было такъ, несомнѣнно, что въ томъ и другомъ случаѣ онъ имѣлъ сотрудниковъ. Засвидѣтельствованная источниками, дружба Фотія съ Кирилломъ и выходящая изъ ряда миссіонерскія способности обоихъ братьевъ служатъ достаточными данными за то, что такими сотрудниками Фотія были именно они оба или кто-либо одинъ изъ нихъ. Относительно Меоодія житіе Климента говоритъ, что онъ еще давно (*λίαν*) подчинилъ своему вліянію Бориса, а Х. А. подчеркиваетъ, что, еще будучи свѣтскимъ человѣкомъ, онъ служилъ въ теченіи 10 лѣтъ въ области, пограничной съ Болгаріей. Онъ могъ видѣться съ Борисомъ также по пути въ Моравію, если только „моравскій путь“, дѣйствительно, лежалъ черезъ Болгарію. Совокупностью всѣхъ этихъ данныхъ духовное сыновство Бориса въ отношеніи къ Фотію и одновременно въ отношеніи къ Меоодію объясняется въ томъ смыслѣ, что послѣдній приготавливалъ Бориса къ принятію христіанства по порученію Фотія. Слѣдовательно, въ томъ древнемъ сказаніи объ обращеніи Бориса, которымъ пользовался авторъ житія, обращеніе Бориса Фотіемъ было поставлено въ непосредственную связь съ проповѣдью великаго славянскаго учителя.

Въ существованіи древняго сказанія, въ которомъ приготовленіе къ крещенію Бориса приписывалось славянскому учителю Меоодію, насъ убѣждаютъ и глухія упоминанія византійскихъ писателей о живописцѣ Меоодіи. Хотя мысль о тождествѣ этого Меоодія съ славянскимъ учителемъ была жестоко осмѣяна еще *Шлецеромъ* и отвергнута такими исто-

¹⁾ *Соколовъ*, Изъ древней исторіи Болгарь, СПб., 1879, 124 стр.

риками, какъ *Е. Е. Голубинскій* ¹⁾ и *Иречекъ* ²⁾, однакожь ихъ соображеній противъ нея нельзя признать неотразимыми. По мнѣнiю Голубинскаго, которому слѣдуетъ и Иречекъ, рассказъ о монахѣ живописцѣ Меѳодiи есть фантазія продолжателя Теофана, который произвольно дополнилъ вымышленными подробностями рассказъ Симеона Логоѳета, а у этого послѣдняго Меѳодiй не есть ни монахъ, ни проповѣдникъ, а просто живописецъ, пишущій картину уже крещенному князю. Однакожь, современное состояніе вопроса о зависимости хроникъ не подтверждаетъ такого объясненія дѣла. Какъ показали *Гиришъ* ³⁾ и *М. И. Соколовъ* ⁴⁾, самъ Симеонъ въ этомъ случаѣ пользовался рассказомъ продолжателя Теофана, съ которымъ обошелся довольно самовольно.

Византійскій рассказъ о Меѳодiи живописцѣ и его картинѣ въ литературномъ отношеніи есть не что иное, какъ одна изъ варіацій странствующаго сюжета о потрясающемъ впечатлѣнiи, какое производитъ на язычника, особенно на князя или представителя народа, картина страшнаго суда, и о слѣдующемъ затѣмъ крещеніи его. Достаточно вспомнить, что обращенію Владиміра, по русскому лѣтописному рассказу, также предшествуетъ впечатлѣнiе отъ картины суда, показанной ему греческимъ философомъ. Самое реальное въ разбираемой варіаціи это—имя Меѳодiя, какъ главнаго виновника всего событія. И если житіе Климента и другіе источники говорятъ объ обращеніи Бориса Меѳодіемъ—первоучителемъ славянъ, то что мѣшаетъ признать его и въ Меѳодiи—живописцѣ, котораго хроники въ то же время представляютъ и проповѣдникомъ и монахомъ?

Связь между сказаніемъ о Меѳодiи, которымъ воспользовался Климентовъ біографъ, и византійскими хрониками выразилась въ одной подробности житія, которую мы никакъ не можемъ считать случайной. Въ XXII гл. жизнь Меѳодiя образно сравнивается съ картиной *искуснаго въ живописи художника*, которую взялъ себѣ за образецъ Климентъ: *καὶ οἷος ἦεν πίνακα σοφῶς τῆς τέχνης ζωγράφου τὸν ἐκείνου διὸς καὶ*

1) Исторія прав. церкв., 235.

2) Исторія болгаръ.

3) *Hirsch*, *Byzant. Studien*, 330.

4) Изъ древней исторіи Болгаръ, 132 и сл.

τὰς πράξεις τῆς οικείας ἀγωγῆς προσηβόμενος ἑαυτὸν ἐξωγράφει πρὸς τοὺτοὺς ἐπιτελοῦς. Чтобы оцѣнить значеніе этого образа, нужно имѣть въ виду ту легкость, съ которой составитель житія превращаетъ въ реальные факты образныя выраженія своихъ источниковъ и наоборотъ — придаетъ переносный смыслъ фактическимъ сообщеніямъ ¹⁾. Отсюда одно изъ двухъ: или въ данномъ мѣстѣ превращено въ иносказаніе конкретное сообщеніе первоисточника относительно занятій Меодія живописью, проникшее въ болѣе чистомъ видѣ въ сообщенія хроникъ, или наоборотъ—одинъ изъ хронистовъ придавалъ реальный смыслъ образной мысли первоисточника. Въ томъ и другомъ случаѣ выводъ одинъ: существованіе очень древняго сказанія объ участіи первоучителя Меодія въ обращеніи Бориса съ упоминаніемъ о немъ—въ прямомъ или переносномъ смыслѣ—какъ о художникѣ. Едва-ли не къ этому же сказанію восходитъ и упоминаніе въ греч. хроникѣ Синод. бібліотеки № 263 (по Описанію арх. *Владимира* № 407), лл. 237 об.—239, о главномъ виновникѣ обращенія болгарь, который называется *εἰς βοσφὸς ἀνδροπαλὸς βοσπίλος καὶ ζωγράφος* ²⁾. Ср. выраженіе житія: *λίβασι βοσφὸν τῆρ τέχνηρ ζωγράφου.*

Такимъ образомъ, мы пришли къ тому же сказанію объ обращеніи Бориса въ христіанство, къ которому инымъ путемъ, посредствомъ анализа лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра, пришелъ А. А. Шахматовъ. Разница только въ томъ, что въ источникѣ, который имѣлъ у себя Климентовъ біографъ, обращеніе Бориса приписывалось Меодію, а въ источникѣ лѣтописнаго сказанія—его брату Кириллу. Эта разница находитъ себѣ объясненіе въ тѣсной связи между свв. братьями, выставяемой на видъ большинствомъ памятниковъ.

б) Восходитъ-ли къ тому же сказанію и упоминаніе объ изобрѣтеніи свв. братьями алфавита для болгарь, или оно заимствовано изъ другого источника, или основывается только на преданіи,—для рѣшенія этого вопроса данныхъ въ житіи нѣтъ. Важно отмѣтить только, что это упоминаніе

¹⁾ На эту черту житія обратилъ вниманіе уже *Вороновъ*, Главн. источн., 138—9.

²⁾ См. у А. А. *Шахматова*, Сборн. въ честь Дринова, 70.

также не стоитъ одиноко, но находитъ себѣ цѣлый рядъ параллелей въ другихъ памятникахъ какъ восточнаго, такъ и западнаго происхожденія. Свидѣтельство объ изобрѣтеніи азбуки и переводѣ священныхъ книгъ, сходное въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ съ повѣствованіемъ паннонскихъ житій, отличается отъ нихъ лишь тѣмъ, что, по словамъ Климентова біографа, великій трудъ славянскихъ учителей ближайшимъ образомъ предназначался ими для болгарскаго народа, тогда какъ по паннонскимъ житіямъ— для моравянъ. Это различіе находится въ соотвѣтствіи съ полнымъ умолчаніемъ житія Климента о моравской миссіи, а паннонскихъ житій—о славянахъ болгарскихъ, что объясняется особенными интересами авторовъ этихъ произведеній. Однакожь, и по паннонскимъ житіямъ изобрѣтеніе азбуки и начало перевода книгъ предшествовали отправленію свв. братьевъ въ Моравію,—слѣдовательно, имѣли въ основѣ своей языкъ южныхъ славянъ. Этимъ до нѣкоторой степени сглаживается противорѣчіе между болгарской легендой и паннонскими житіями. Нужно прибавить, что въ разсказѣ греческаго біографа то племя, которое первое возбудило къ себѣ сочувствіе Кирилла и Меодія, называется собственно *славянскимъ* и азбука—*славянскою*, при чемъ *болгарскій* стоитъ рядомъ съ *славянскій*, какъ замѣна его. Очень возможно, что въ основѣ здѣсь лежитъ фактъ дѣйствительнаго распространенія славянской грамотности среди славянъ, жившихъ какъ въ византійской имперіи, такъ и въ Болгаріи, въ то время, когда свв. братья трудились въ Моравіи.

в) Свой разсказъ о проповѣди Кирилла и Меодія болгарскому народу біографъ Климента заключаетъ замѣчаніемъ объ окончательномъ обращеніи болгаръ отъ скиѣскихъ заблужденій въ христіанство. Это замѣчаніе сдѣлано авторомъ попутно и носитъ на себѣ эпизодическій характеръ, такъ что, вопреки мнѣнію Голубинскаго, Дринова и др., хронологическая дата обращенія Болгаріи къ исторіи Кирилла и Меодія совсѣмъ не относится. 6377 (=869) годъ, на который, какъ на годъ окончательнаго обращенія болгарскаго народа, указываетъ авторъ, приводится, какъ извѣстно, также русскимъ лѣтописцемъ. Возможно, что заимствованіе этого года Климентовымъ біографомъ и лѣтописцемъ восходитъ къ общему источнику, —къ тому же, изъ котораго

обоими авторами почерпнуты свѣдѣнія и объ обращеніи Бориса ¹⁾.

2. Въ тѣхъ главахъ житія, гдѣ изображается судьба дѣла Кирилла и Меѳодія въ Моравіи послѣ смерти послѣдняго (VII—XIV), нить повѣствованія такъ тѣсно сплетается съ разсужденіями дѣйствующихъ лицъ, что вскрыть здѣсь историческую основу можно только исключивъ всѣ подробности богословской эрудиціи автора, вложенныя въ уста историческихъ дѣятелей. Уже показано было, что православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа въ житіи совпадаетъ съ трактатомъ Теофилакта противъ латинянъ и съ толкованіемъ его на 3 гл. Ев. Іоанна, слѣдовательно—оно должно быть отнесено на счетъ богословской учености автора, а не учениковъ Меѳодія. Такого же происхожденія и другія подробности полемики о Св. Духѣ.

Предметомъ VII—XIV главъ житія служить борьба нѣмецкаго духовенства съ учениками Меѳодія, окончившаяся изгнаніемъ послѣднихъ изъ Моравіи. Свѣдѣнія, легшія въ основу этой части, стоятъ довольно одиноко въ исторической литературѣ, съ давнихъ поръ возбуждая къ себѣ недовѣрчивое и даже совершенно отрицательное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ историковъ. Однакожь, положительная цѣнность этихъ свѣдѣній должна быть признана несомнѣнной не только на основаніи ихъ внутренней убѣдительности, но и на томъ основаніи, что они и въ цѣломъ, и въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣльныхъ подробностяхъ могутъ найти себѣ подтвержденіе во внѣшнихъ данныхъ.

По отношенію къ общему ходу и исходу событій, разсказываемыхъ Климентовымъ биографомъ, такими данными служатъ: а) *посланіе папы Стефана VI къ кн. Святополку* и б) *инструкція его Доминику епископу и Іоанну и Стефану пресвитерамъ, отправляющимся къ славянамъ* ²⁾. Довольно обширная ли-

¹⁾ На 869 годъ, какъ на время окончательнаго обращенія Болгаріи, указываютъ и другіе источники, при чемъ здѣсь разумѣется фактъ учрежденія перваго болгарскаго архіепископства и окончательнаго сближенія съ Константинополемъ. Объ этомъ см. у *Водянскаго*. 363—5. Впрочемъ, въ афонскихъ сщ. отрывковъ житія стоитъ 6370—862 г. (выше, стр. 5). Какая дата принадлежитъ составителю житія, опредѣленно сказать нельзя.

²⁾ Посланіе издано въ первый разъ въ 1849 году *Ваттенбахомъ* (*Beiträge zur Geschichte der chr. Kirche in Mähren und Boemien*. Wien. 1849.

тература, посвященная тому и другому документамъ, приводитъ къ положительному выводу относительно ихъ подлинности. Возраженія противъ подлинности посланія къ Святуполку уже не разъ были опровергнуты, и въ послѣднее время даже въ нѣкоторыхъ католическихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Кириллу и Меѳодію, оно, повидимому, признается за подлинное произведеніе Стефана VI. Содержаніе папскаго посланія и инструкціи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Ими полагается конецъ славянскому богослуженію въ Моравіи, Меѳодію осуждается, епископъ Вихингъ, представитель нѣмецкой партіи, получаетъ прекрасную рекомендацію и облачается папскимъ довѣріемъ, преемникъ Меѳодія Гораздъ устраняется, учениковъ Меѳодія предписывается изгонять изъ предѣловъ, подчиненныхъ папской власти. Такимъ образомъ, акты папы Стефана VI *представляютъ собою какъ бы программу будущихъ событій*, рассказанныхъ въ житіи Климента, и еслибы у насъ не было этого житія, то, на основаніи посланія и инструкціи Стефана, исходъ событій, послѣдовавшихъ послѣ смерти Меѳодія, пришлось бы проектировать приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены въ житіи.

Историческая достовѣрность большинства отдѣльныхъ фактическихъ подробностей подтверждается отчасти также внѣшними данными, отчасти соотвѣтствіемъ ихъ исторической правдѣ или сопутствующимъ событіямъ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ тѣ наиболѣе важныя подробности, которыя составляютъ канву всего авторскаго узора, богатаго красками и риторикой.

а) Борьба славянскаго духовенства съ нѣмецкимъ, описанная въ житіи Климента, является прямымъ результатомъ отношеній, сложившихся между ними еще при жизни Меѳодія и описанныхъ въ его житіи.

б) По свидѣтельству греческаго житія, количество пресвитеровъ, діаконовъ и иподіаконовъ изъ учениковъ Меѳодія въ церквахъ его епархіи послѣ смерти его простиралось до

р. 45 sq.), перепечатано *Бильбасовымъ* (Кир. и Меѳ. I, 137 сл.), *Пастрикомъ* (Dejiny Suv. a Meth., 260 сл.) и др. Инструкція напечатана въ отрывкахъ *Евальдомъ* (Neues Archiv d. Gesellsch. f. ältere deutsche Geschichtskunde 1880. V, 408), *Рачкичъ* (Starine jugosl. Akademije, XII, 220), *Вороновымъ* (*Труды Киевск. Ак.* 1881. II. 412), *Пастрикомъ* (ib.) и др.

200 человекъ. Здѣсь ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть преувеличенія, если принять въ соображеніе свидѣтельство житія Меѳодія относительно широкаго распространенія его проповѣди въ Моравіи: отъ того же дѣне вслѣди идуать растн оуцетн: божне, и стрижаннн множитса къ встѣхъ градѣхъ, и поглннн крвати къ истиннѣхъ когъ (X).

γ) Достоинства Горазда, его книжное образование и избраніе его Меѳодіемъ въ преемники себѣ подтверждаются жит. Меѳ. (VI гл.): фактъ устраненія его еретиками отъ управления Моравской церковью находитъ себѣ опору въ посланіи Стефана VI.

δ) Характеристика Вихинга, какъ человѣка низкаго, своекорыстнаго и жестокаго, подтверждается свидѣтельствами западныхъ источниковъ ¹⁾. Его происки противъ славянскаго богослуженія и славянскихъ проповѣдниковъ начались еще при жизни Меѳодія, что извѣстно изъ жит. Меѳ. (VII) и буллы папы Іоанна VIII отъ 881 г. По свидѣтельству *Пассавской хроники*, онъ и епископомъ сдѣлался путемъ насилія ²⁾.

ε) Въ VII гл. Климентовъ біографъ говоритъ, что Вихингъ „былъ преданъ Меѳодіемъ съ анаеомоу сатанѣ, вмѣстѣ съ сонмомъ людей, съ нимъ ѳсновавшихся“. Хотя это, въ высшей степени интересное, сообщеніе многими не признается за историческое, однакожъ въ его достовѣрности убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ другихъ свидѣтельствъ. Путемъ сопоставленія ихъ уясняется даже вопросъ о томъ, кого могъ разумѣть авторъ подъ „сонмомъ людей, съ нимъ ѳсновавшихся“. Косвенное указаніе на проклятіе, произнесенное Меѳодіемъ, можно извлечь прежде всего изъ житія Меѳодія. Въ передачѣ посланія Іоанна VIII здѣсь есть любопытное добавленіе по сравненію съ латинскимъ подлинникомъ: да него же проклясть. проклять да боуди. Естественно думать, что оно было подсказано составителю житія совершившимся уже фактомъ провозглашенія Меѳодіемъ анаемы. Самымъ определеннымъ образомъ рѣшительный поступокъ Меѳодія засвидѣтельствованъ посланіемъ Стефана VI, который пишетъ Святотолку: „Мы очень удивились, услышавъ, что Меѳодій

¹⁾ *Miklosich, Vita s. Clementis, p. XIV.*

²⁾ *Miklosich, op. cit., p. XIV.*

преданъ неправильному ученію, а не назиданію, враждѣ, а не миру; и если это такъ, какъ мы слышали, то лжеученіе его мы совершенно отвергаемъ. Анаѳема же за презрѣніе католической вѣры падеть на главу того, кто объявилъ ее. Ты же и народъ твой предъ судомъ Св. Духа будете невинны, если только ненарушимо будете содержать вѣру, которую проповѣдуетъ римская церковь“. Изъ послѣдовательности мыслей здѣсь со всею очевидностію слѣдуетъ, что анаѳема Меѳодія падала на тѣхъ, съ кого теперь папа снимаетъ ее и кого реабилитируетъ, т.-е. на Святополка и его народъ (tu et populus tuus...), при чемъ подъ народомъ разумѣются противники Меѳодія и сторонники Вихинга. Этому документальному свидѣтельству соответствуетъ показаніе *легенды Христіана о св. Людмилѣ и Вячеславѣ*, въ которой читаемъ: *quapropter a pontifice beate memorie supra notato pagus ejus et rus cum habitantibus incolis anathemate percussa cum sulcis suis et fructibus diversis cladibus attrita usque in hodiernum diem deflent*, т.-е. „поэтому блаженной памяти выше названнымъ перво-священникомъ (Меѳодіемъ) страна его (Святополка) и земля со всѣми обитателями преданная анаѳемѣ, съ полями своими и плодами опустошенная различными пораженіями, до нынѣшняго дня проливаетъ слезы“¹⁾. По мнѣнію проф. *Пекаржа*, обоснованному довольно убѣдительными данными, легенда Христіана написана не въ XIV вѣкѣ, какъ доказывалъ Добровскій, а въ X, и ея составитель пользовался надежнымъ источникомъ, близкимъ къ греко-славянскому преданію, сохранившемуся въ житіи Климента²⁾. Отсюда—особенная цѣнность приведеннаго сообщенія. Изъ другихъ латинскихъ источниковъ о проклятій, произнесенномъ Меѳодіемъ, говоритъ моравская легенда: *Quapropter in ipsum Swatopluk, frontosum principem et suos satellites, et in omnes ejus gades excommunicationis fulminavit sententiam* (XI гл.)³⁾, т.-е., „вслѣдствіе этого (Меѳодій) бросилъ сентенцію отлученія въ самаго Святополка, дерзкаго князя, и его сторонниковъ и на всѣ его дружины“⁴⁾.

1) *Ios. Pekař, Nejstařši kronika česká. V Praze, 1903. p. 134.*—Deflentur v. m. deflent въ *Fontes rerum bohemic.*, I, p. 202.

2) *Ib.*, pp. 20—23.

3) *Fontes rerum bohemic.*, I, p. 106.

4) О словѣ *Gades* см. у *Ducange*, *Gloss. med. latin.*

Тотъ же фактъ проклятiя былъ извѣстенъ, повидимому, и составителю житiя св. Наума. Печальная судьба, постигшая Моравiю послѣ нашествiя венгровъ, здѣсь объясняется, какъ кара Божiя за преслѣдованiе и изгнанiе учениковъ Меодiя, и при этомъ глухо прибавляется: *иже въ прорекъ стiи исходе архископъ* ¹⁾. Нужно прибавить, что и въ житiи Климента проклятiе, произнесенное Меодiемъ, стоитъ въ связи съ угрозой его по адресу Святополка, что, если онъ присоединится къ еретикамъ, то погубить себя и своихъ подданныхъ...,—что и сбылось—по словамъ автора—съ предсказанiями святого (V). Если, такъ обр., провозглашенiе Меодiемъ анаѣмы не только на Вихинга и его послѣдователей, но и на самого Святополка становится фактомъ весьма высокой исторической вѣроятности, то не остается основанiй, вмѣстѣ съ Голубицкимъ, отказывать въ довѣрiи и дальнѣйшимъ сообщенiямъ Климента житiя относительно недоброжелательнаго отношенiя моравскаго князя къ ученикамъ Меодiя во время ихъ борьбы съ противниками.

5) Значенiе догмата о Filioque, какъ существеннѣйшаго предмета споровъ между православными учениками Меодiя и еретиками-юпаторами, засвидѣтельствовано не только житiемъ Климента, но и папскими посланiями, паннонскимъ житiемъ Меодiя, житiемъ Наума, службами въ честь первоучителей и др. источниками.

7) Въ изображенiи преслѣдованiя учениковъ Меодiя со стороны нѣмецкаго духовенства житiе Климента согласно съ житiемъ Наума. Упомянутiе перваго о продажѣ священниковъ и діаконовъ нѣмцами евреямъ могло бы показаться легендарнымъ, еслибы не находило себѣ подтвержденiя въ подробномъ разказѣ объ этомъ въ житiи Наума.

9) Фактъ окончательнаго изгнанiя и странствованiя учениковъ Меодiя по разнымъ славянскимъ странамъ засвидѣтельствованъ, кромѣ житiя Климента, цѣлымъ рядомъ источниковъ, въ числѣ которыхъ есть памятники происхожденiя болѣе древняго, чѣмъ греческое житiе. Объ этомъ

¹⁾ Этотъ драгоценный памятникъ почти одновременно найденъ былъ въ прологѣ Зографск. моп. (№ 47) и изданъ проф. П. А. Лавровымъ (*Извѣст. Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ*, т. XII (1907), кн. 4., стр. 1—51, и отдѣльн.) и *Иорданомъ Ивановымъ* (*Български старини изъ Македония*. София, 1908, стр. 51—58).

разсказываетъ житіе Наума. Ясные отголоски этого звучатъ также въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ произведеніяхъ древнѣйшей поры славянской письменности. Въ канонѣ св. Димитрію Солунскому, отличномъ отъ греческаго, есть два тропаря, составленные учениками Меодія присолунскаго происхожденія. Въ нихъ выражается скорбь по поводу отдаленнаго странствованія и томительное желаніе снова видѣть храмъ св. Димитрія. Вотъ одинъ изъ этихъ тропарей: *Поуѣто мудре ницини твои раки едини лишельсѣа твеса ѹбо красоты, мѡстѣкс рѡди Знжитела по ѹбожимъ землямъ и градѹмъ ходѡще на постраданне, блжжне трѡязмѹчникъ и еретики мѡтъ воини (=противники?) бжжюцѣ 1).* Въ канонѣ свв. Меодію и Кириллу, составленномъ ихъ учениками, обращаетъ на себя вниманіе тропарь: *Имаѡа. стѡл. пра ѡ стѡи трѡици. крѹпѣс прѡйсис меѡѡдне стѡю. стѡдо кѡю стѡс ходѡще по земи странѡити съхранѡне рѡститѡ мѡтѡми си блжжсѡа).* Оба тропаря относятся къ 9 пѣснѣ канона, куда, по правиламъ византійской гимнографіи, составители службъ могли вносить собственный автобіографическій элементъ и возбуждаемая имъ чувства. Въ тѣсную связь съ свидѣтельствами означенныхъ тропарей слѣдуетъ поставить одну изъ прибавокъ въ древнемъ ц-славянскомъ переводѣ Тріоди, сохранившуюся въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ спискахъ ея. Одинъ изъ подобновъ на пятницу 5-ой недѣли поста въ рукописи П. П. Б. *Ф. п. I № 74* (Тріодъ средне-болг. ред., XII в.) читается слѣдующимъ образомъ: *Страсти сѡсѡмѡа приѡмѡ ты сѡе. рѡ ѹлѡскѡ. ѡ страсти хотѡ свободити. поковѡмѡи ѡзѡмѡ. прѡгнѡмѡ ерѡтѡнѡскѡ трѡязмѡчникѡ. по зѡмѡмѡ и страдѡмѡ. страсть приѡмѡа. ѡутѡи нѡи ѡлѡстѡске. съхранѡи ѡ ѡѡиножѡи взрѡсти нѡхѡс нѡскоѡни крѡвѡнѡ скѡсѡ ѹсѡтѡнѡ. тѡлѡстрастѡнѡ прѡцѡедѡи бѡссмертѡнѡи гѡ 2).* По свидѣтельству житія Климента, онъ уже въ глубокой старости далъ болгарской церкви прощальный даръ, состоящій въ прибавленіи къ Тріоди того, чего въ ней недоставало, именно перевелъ все, что поется отъ недѣли Ѳоминой до Пятидесятницы (XXVI). Слѣдовательно, предшествующія части Тріоди, въ

1) Кир.-Меѡ. Сборн. 1865 г., стр. 279. Ср. *Русск. фил. Вѣстн.*, т. XLIII, 1900 г. А. П. Соболевскій, Церк.-слав. тексты моравск. происх., стр. 153.

2) Кир.-Меѡ. Сборн. 1865 г., стр. 257. Ср. также выраженіе: *ѡзѡгнос ерѡтѡнѡ стѡдо тѡсѡ съхранѡи къ вѡрѡ прѡковѡрѡити мѡтѡми сѡ ѡѡе. П.*, 254.

3) Въ другихъ древнихъ спл. Тріоди этому тропарю соответствуетъ двѡй, сходный съ нимъ лишь по началу.

томъ числѣ и Тріодъ постная, переведены были раньше, самимъ-ли Климентомъ, или кѣмъ-либо изъ его сотрудниковъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ перенесенныхъ притѣсненій со стороны еретиковъ-тріязычниковъ и отъ своихъ скитаній по землямъ и странамъ, славянскій переводчикъ воспользовался однимъ изъ подходящихъ пѣснопѣній, чтобы, нѣсколько измѣнивъ его, излить въ немъ горечь своего чувства по поводу перенесенныхъ лишеній.

Итакъ, на основаніи произведенныхъ сопоставленій мы видимъ, что VII—XIII гл. житія, и въ общемъ своемъ содержаніи, и въ важнѣйшихъ отдѣльныхъ сообщеніяхъ, согласны съ свидѣтельствами безусловной достовѣрности и потому заслуживаютъ къ себѣ довѣрія. Послѣ недостаточно точныхъ сообщеній о Кириллѣ и Меѳодіи нашъ памятникъ, по вѣрному замѣчанію *Дюмлера*, становится исторически болѣе достовѣрнымъ послѣ описанія кончины Меѳодія ¹⁾.

Однакожь, и эта часть житія требуетъ критическаго отношенія къ себѣ. Черезъ весь разсказъ о борьбѣ послѣдователей Меѳодія съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ проходить одностороннее и исторически не вполне вѣрное освѣщеніе этой борьбы. Авторъ представляетъ дѣло такъ, что главнымъ поводомъ столкновенія былъ вопросъ о *Filioque*. Между тѣмъ и изъ житія Меѳодія, и изъ актовъ папы Стефана VI, и изъ приведенныхъ свидѣтельствъ богослужебнаго характера со всею очевидностью слѣдуетъ, что весьма существенное значеніе въ этой борьбѣ имѣла *тріязычная ересь*, непризнававшая за славянскимъ языкомъ права на богослужебное употребленіе. Можно даже думать, что эта ересь по своимъ практическимъ результатамъ была болѣе ощутительна для послѣдователей Меѳодія и играла болѣе важную роль въ борьбѣ, чѣмъ ересь іошаторская. Между тѣмъ составитель, увлекшись полемикой противъ западной церкви, принялъ во всей этой исторіи за наиболѣе существенную ту сторону ея, которая его самого болѣе всего заинтересовала, и умышленно оставилъ безъ вниманія ту, которая ему была непріятной. На всемъ протяженіи житія онъ постоянно подчеркиваетъ грубость славянскаго языка, о переводѣ свящ. книгъ на

¹⁾ *Dümler*, Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. *Archiv für Kunde österreich. Geschichts-Quellen*. 1854. B. XIII. S. 155.

славянскій языкъ упоминаеть уклончиво и неопредѣленно и нигдѣ ни однимъ словомъ не вспоминаеть о тріязычной ереси. Ясно, что онъ былъ такимъ же тріязычникомъ, какъ и большинство его современниковъ-грековъ, какъ и тѣ западные тріязычники, съ которыми вели борьбу послѣдователи Меѳодія въ Моравіи. Для него передавать свѣдѣнія своего источника о тріязычной ереси значило обличать себя самого. Въ результатѣ явилось настолько тенденціозное представленіе дѣла, что изслѣдователь эпохи, въ интересахъ исторической правды, долженъ нѣсколько ослабить значеніе догматическихъ споровъ между образовавшимися въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія партіями и выдвинуть на болѣе видное мѣсто въ этой борьбѣ вопросъ о ц.-славянскомъ языкѣ въ богослуженіи и, слѣдовательно, о правѣ славянскаго народа на относительную самостоятельность церковной и національной жизни.

3. Третья часть житія (XV—XXIX), посвященная собственно Клименту и его жизни въ Болгаріи, также должна быть признана въ основныхъ своихъ чертахъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, исторически достовѣрной. Въ этомъ отдѣлѣ историческіе моменты еще болѣе усиливаются и находятъ себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ данныхъ: въ житіи Наума, въ различныхъ отдѣльныхъ свидѣтельствахъ, монументальныхъ памятникахъ Македоніи, наконецъ, въ непрерывномъ преданіи, хранящемся въ болгарскомъ народѣ и болгарской церкви. Что же касается свѣдѣній относительно литературной дѣятельности Климента, то они блестящимъ образомъ подтверждаются наличностью уцѣлѣвшихъ списковъ его сочиненій, указанныхъ въ житіи. Историческая цѣнность тѣхъ показаній, которыя не засвидѣтельствованы другими источниками, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть опредѣлена посредствомъ тщательной критики житія.

Въ основу XV—XXIX гл. легъ тотъ-же источникъ, которымъ пользовался составитель и для предыдущей части. Это—древнее житіе Климента, написанное какимъ-то близкимъ къ нему лицомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ греческаго текста, гдѣ рѣчь идетъ о личныхъ отношеніяхъ составителя къ святому, о личныхъ впечатлѣніяхъ отъ его жизни и подвиговъ, или гдѣ сообщаются точнѣйшія фактическія подробности его біографіи, древняя основа памятника стоитъ еще настолько

самостоятельно, что ясно выдѣляется, какъ именно таковая. Въ существованіи древняго житія Климента насъ убѣждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ житіе Наума, которое при этомъ заключаетъ въ себѣ данныя и для болѣе опредѣленнаго сужденія о первомъ.

Высокая историческая цѣнность житія Наума была отмѣчена первымъ же издателемъ его— *П. А. Лавровымъ*. Житіе это носитъ на себѣ черты глубокой древности и отличается благородной простотой и безыскусственностью изложенія. Авторъ его, принадлежавшій къ Дѣвольскому клиру, былъ современникомъ не только учениковъ Климента, но и его самого и его сотрудника Наума. Даже матеріаль для своего разсказа онъ черпалъ изъ живыхъ разсказовъ Климента и Наума, въ чемъ самъ удостовѣряетъ читателя словами: *слико азъ ми слии блаженнии ѿиъ сказаше*. Отсюда каждая строчка этого памятника возбуждаетъ къ себѣ высокое довѣріе. По отношенію къ предполагаемому древнему житію Климента онъ представляетъ собою очевидное его продолженіе. Авторъ житія Наума начинаетъ свое произведеніе словами: *И се же брати да не оставеть всъдъ памяти братъ сего блаженнаго каинента*, о которомъ раньше не было сказано ни слова, а черезъ нѣсколько строкъ онъ говоритъ о царѣ Симеонѣ: *тъжде блгоутрии ѿръ симеонѣ изсти плочилъ подроуга имоу къ него* (Климента) *мвсто*, хотя о Симеонѣ также рѣчь заходитъ впервые. Ясно, что въ моментъ написанія житія Наума предполагаемое житіе Климента уже существовало и въ древней рукописи помѣщалось какъ разъ передъ нимъ. Этому нисколько не противорѣчитъ признаніе автора житія Наума о томъ, что онъ искалъ житіе блаженныхъ отцовъ, написанное людьми, которые бы знали ихъ жизнь отъ начала и до кончины, и такого житія не могъ найти. Во-1-хъ, его поиски могли относиться не только къ Клименту, но и къ его сотрудникамъ; во-2-хъ, насколько можно судить по греческому пространному житію Климента, и въ древнемъ источникѣ его не было никакихъ свѣдѣній относительно дѣтства и раннѣйшей поры его жизни; въ-3-хъ, можно думать, что авторомъ предполагаемаго житія было то-же лицо, перу котораго принадлежит и житіе Наума. Только при послѣднемъ допущеніи могутъ быть вполне удовлетворительно объяснены означенныя выше выраженія, въ которыхъ рѣчь о Климентѣ и Симеонѣ явля-

ется продолженіемъ несохранившагося предыдущаго текста.

Славянское житіе Климента и послужило основнымъ ядромъ всего разбираемаго нами греческаго памятника. Если въ послѣднемъ очистить это золотое ядро, съ одной стороны, отъ нагара благочестивыхъ измышленій, а съ другой—отъ риторическихъ прикрасъ и распространеній, то *получимъ въ основѣ сообщенія, совершенно соответствующія содержанию житія Наума*. Это относится и къ моравскому, и къ болгарскому періодамъ дѣятельности учениковъ свв. первоучителей. Главнымъ источникомъ обоихъ житій была непосредственная близость ихъ составителя или составителей къ Клименту и Науму, при чемъ, по согласному сообщенію того и другого житія, нѣкоторыя событія своей жизни свв. отцы скрыли отъ будущихъ біографовъ. А *дрогъ позанисъ за смиреніе ѿ*—говорится въ житіи Наума; ср. жит. Климента, гл. XXIV. Въ ученикахъ и послѣдователяхъ у Климента вообще недостатка не было, какъ видно не только изъ пространнаго житія его (XVIII), но и изъ одного пѣснопѣнія въ честь его, въ которомъ Теофилактъ воспѣваетъ ихъ, называя своими учителями ¹⁾.

Древнее славянское житіе, составленное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, было впослѣдствіи обработано Теофилактомъ на греческомъ языкѣ съ соблюденіемъ всѣхъ приемовъ византійской агиографіи ²⁾. Рядомъ съ риторическими распространеніями, въ третьей части житія находимъ нѣсколько несомнѣнныхъ прибавокъ позднѣйшаго происхо-

¹⁾ Изд. *Баласчева*, стр. лѣ.

²⁾ Что славянскіе источники Теофилакту были доступны, и онъ ими могъ пользоваться, тому доказательство заключается въ сказаніи его о тиверіупольскихъ мученикахъ. Въ этомъ сочиненіи, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній о Борисѣ, въ частности о принятіи имъ имени Михаила въ честь императора, онъ ссылается на: *αὐτοὶ φασί*, т. е., говорятъ сами болгаре (§ 34). Здѣсь нельзя разумѣть простого только устнаго преданія. Въ означенномъ сочиненіи Теофилактъ пользовался и письменными свидѣтельствами на славянскомъ языкѣ. Это слѣдуетъ изъ того, что онъ здѣсь даетъ подробный перечень болгарскихъ государей отъ Крума до Бориса, чего нѣтъ у другихъ византійскихъ писателей. Названіе народа *Аваровъ* у него не такое, какое обычно у греческихъ писателей—*Αβάροι*, но особенное, соответствующее славянскому произношенію—*“Οιβροι* (§ 27). *Migne, Patrol.*, gr., т. 126. Пользуясь славянскими источниками для своихъ историческихъ трудовъ, Теофилактъ, съ своей стороны, былъ полезенъ

жденія. Сюда относятся, напр., сообщенія объ архіепископѣ въ Охридѣ (XXIII) и о судьбѣ сочиненій Климента послѣ его смерти, при чемъ упоминаніе о сохраненіи послѣднихъ людьми трудолюбивыми авторъ сопровождаетъ ссылкой на слухъ (*αἰροῦται*—говорять), какъ на источникъ своихъ свѣдѣній (XXII). Очевидно, благодарная память потомства очень рано окружила личность Климента различными сказаніями, которыми и воспользовался Теофилактъ при обработкѣ стараго источника. На счетъ Теофилакта должно быть отнесено также и витіеватое заключеніе житія съ похвалою и молитвеннымъ обращеніемъ къ Клименту. Здѣсь есть указаніе на два историческихъ факта, современные позднѣйшему составителю. Въ обращеніи къ святому онъ говоритъ: „прогони злую ересь, которая, какъ язва, вкралась на пагубу нашего стада, въ особенности послѣ твоего успенія во Христвъ“ (XXIX). Вопреки почти единогласному мнѣнію комментаторовъ житія о томъ, что составитель имѣетъ въ виду здѣсь богомилъскую ересь, мы рѣшаемся думать, что онъ молить Климента о разсѣяннн той ереси, полемика съ которой проходитъ у него черезъ все произведеніе,—т. е. ученія латинской церкви объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Такое пониманіе этого мѣста вполнѣ соотвѣтствуетъ основной тенденціи житія и полемическимъ интересамъ Теофилакта, проявившимся и въ его специальномъ трактатѣ противъ латинянъ. Ближайшимъ поводомъ для борьбы съ ересью латинской было проникновеніе ея во время Теофилакта въ предѣлы болгарской церкви, въ частности въ среду волонскихъ поселеній, разсѣянныхъ близъ Охриды и преимущественно въ средней Албаніи. У этихъ потомковъ римскихъ колонистовъ даже богослужебнымъ языкомъ въ XI—XII вв. былъ языкъ латинскій. Объ этомъ заключаемъ изъ одного письма Теофилакта къ *біакоу и проповѣднику Николаю*, гдѣ сказано: „если будешь говорить, что исходитъ Духъ отъ Сына въ смыслѣ изліянія и сообщенія, утверждая, что къ употребленію слова *исхожденіе* принуждаетъ бѣдность рѣчи

для славянской литературы своимъ богословскими сочиненіями. Есть основанія думать, что избранныя мѣста изъ его Толкованій на новыя завѣты были переведены на ц.-славянской языкъ очень рано, едва-ли не при его жизни, и въ видѣ безымянныхъ поученій разсѣялись по разнымъ сборникамъ.

и скудость латинскаго языка, то...“ онъ позволяетъ ему употребить терминъ *исхожденіе* въ смыслѣ подаянія въ обыкновенномъ разговорѣ и церковныхъ собесѣдованіяхъ ¹⁾.

Другое указаніе касается современной автору войны: „соблюди отъ варварскихъ нашествій неприкосновенными питомцевъ твоихъ, сохраняя насъ, какъ во всякое время, такъ въ особенности теперь, когда скорбь приблизилась, когда нѣтъ помогающаго, когда скиѣскій мечъ упился въ крови болгарской (*ὅτε σκυθικῆ ῥιχαιρα Βουλγαρικῶν εἰσιόντων ἐμίσθυεν*), когда руки безбожниковъ мертвыя тѣла новыхъ чадъ твоихъ выбросили на сѣдненіе птицамъ небеснымъ“. Напрасно новые и старые изслѣдователи стараются въ этомъ выраженіи найти основаніе для датировки нашего памятника. Болгарамъ такъ много и такъ часто приходилось вести войны какъ съ Византіей, такъ и съ разнообразными кочевниками, что, исходя изъ этихъ словъ, можно съ такимъ же основаніемъ опредѣлять возрастъ нашего памятника X, какъ и XII вѣкомъ. Единственный ключъ къ объясненію приведеннаго мѣста можно бы найти въ словахъ *σκυθικῆ ῥιχαιρα*. Но и имя *скиѣовъ* оставляетъ широкое поле для всякаго рода предположеній и догадокъ, такъ какъ оно, по выраженію Шафарика, было любимой побрякушкой византійскихъ писателей, навязывавшихъ его всѣмъ чужимъ, извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, народамъ, обитавшихъ на сѣверѣ, отъ I-го до XII вѣка ²⁾. Преосв. *Филаретъ* видѣлъ въ приведенномъ мѣстѣ намекъ на вторженіе руссовъ съ Святославомъ во главѣ (966 г.); *Миклошичъ*—венгровъ, называемыхъ у византійскихъ писателей скиѣами и производившихъ опустошительныя набѣги на Византійскую имперію въ 934, 943, 954 и 962 гг.; *Вороновъ*—печенѣговъ, которые во второй половинѣ XI вѣка еще жесточе венгровъ опустошали Болгарію и еще чаще называются у византійцевъ скиѣами. Принимая нашъ памятникъ за произведеніе Теофилакта, основательнѣе всего видѣть здѣсь печенѣговъ въ союзѣ съ другими народами. Подъ 1087 годомъ *Анна Комнина* сообщаетъ о нападеніи на

¹⁾ Письмо это, повидимому, не издано ни у *Миня*, ни у его предшественниковъ. См. о немъ у *иеромон. Арсенія*, „Охридскій патріархамъ“ въ ж. *Духовн. Вѣстн.*, 1864, т. VIII, стр. 529—530.

²⁾ Славянск. Древн. въ русск. пер. I кн. 2, 21—22.

Византию угорскаго короля Соломона, въ союзѣ съ печенѣжскимъ ханомъ Челгу, объясняя, что войско его было набрано изъ савроматовъ, скиѳовъ и изъ дакійскаго ополченія. Изъ источниковъ угорскихъ извѣстно, что въ нашествіи 1087 г. участвовали троякаго рода элементы: 1) куманы, или половцы хана Кутеска, 2) угорскіе приверженцы Соломона и 3) главнымъ образомъ печенѣги ¹⁾. Сопоставляя эти свидѣтельства, находимъ, что подъ скиѳами у Анны Комнины разумѣются печенѣги, подъ савроматами—половцы, а подъ дакійскимъ ополченіемъ по мнѣнію однихъ—валахи ²⁾ по мнѣнію другихъ—угры ³⁾. Необъятныя полчища смѣшанныхъ кочевниковъ въ 1088 году разбили императора Алексѣя Комнина подъ Дристрой и опустошили Болгарію ⁴⁾. Нелишне прибавить, что самый способъ выраженія въ приведенномъ мѣстѣ житія близко напоминаетъ собою обычныя сѣтованія Феофилакта по поводу внѣшнихъ и внутреннихъ междуусобій, раздиравшихъ въ его время Болгарію. „Извнѣ сраженія, писалъ онъ, напр., епископу Видина ⁵⁾, внутри ужасы и нигдѣ помощника и союзника. Враги завываютъ и поднимаютъ голову и полагаютъ трупы рабовъ въ добычу пернатымъ (ср. „руки безбожниковъ мертвыя тѣла повыхъ чадъ твоихъ выбросили на сѣденіе птицамъ небеснымъ“ въ житіи), разливаютъ кровь вокругъ нашей столицы и нѣтъ погрѣбающаго“. Очевидно, одно изъ такихъ сѣтованій мы находимъ и въ житіи Климента.

Изъ сдѣланнаго разбора простр. житія теперь можно извлечь достаточно прочныя выводы для оцѣнки его, какъ историческаго источника. Цѣнность заключающагося въ немъ историческаго матеріала опредѣляется а) достоинствами источниковъ, легшихъ въ его основу, и б) отношеніемъ автора къ этимъ источникамъ. Житіе составлено на основаніи паннонскихъ житій, какаго-то сказанія объ обращеніи Бориса въ христіанство и древняго славянскаго житія Климента, написаннаго его ученикомъ. Всѣ эти источники въ историче-

¹⁾ *Журн. мин. нар. просв.* 1879 г., ч. 204, стр. 170—171. *Васильевскій* Критич. и библиогр. замѣтки.

²⁾ *Успенскій*, Образ. втор. болгарскаго цар., 98.

³⁾ *Васильевскій*, *Журн. мин. нар. пр.*, ч. 204, 171 стр.

⁴⁾ *Herzberg*, *Geschichte der Byzant.* Berlin, 1883, S. 272—273.

⁵⁾ *Migne*, *Patrol.* t. 126, c. 336—337.

скомъ отношеніи должны быть признаны весьма надежными. Но обработка, которой подверглись они подъ перомъ Теофилакта, оказывается въ высшей степени *искусственной, тенденціозной и самовольной*. Искусственность обработки выразилась въ томъ, что въ житіе внесены всѣ особенности византійской житійной литературы. Витіеватое введеніе и заключеніе, масса изреченій св. Писанія, уподобленія, цѣлые полемическіе трактаты, пространныя рѣчи историческихъ лицъ, молитвы, риторическія прикрасы событій—всѣ эти мало оригинальныя подробности, составляющія въ общей сложности болѣе половины содержанія житія, лишены дѣйствительнаго историческаго значенія. Тенденціозность сказана въ томъ, что авторъ, увлекшись полемикой съ латинскимъ догматомъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, къ этому вопросу свелъ всю борьбу учениковъ Меѳодія съ нѣмецкимъ духовенствомъ, а вопросъ о богослужебномъ употребленіи ц.-славянскаго языка, игравшій въ этой борьбѣ огромную роль, оставилъ безъ вниманія. Самовольность автора выразилась въ слишкомъ бѣгломъ, сокращающемъ пересказѣ паннонскихъ житій; поэтому исторія Кирилла и Меѳодія въ изложеніи житія лишена серьезнаго историческаго значенія. Что касается собственно древняго житія Климента, то его фактическая основа, среди риторическихъ прикрасъ и нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій, *въ общихъ чертахъ своихъ сохранилась сравнительно въ удовлетворительномъ видѣ,—и въ этомъ главная цѣнность разобраннаго памятника*. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, вмѣстѣ съ о. Снопкомъ, думать, что въ житіи смѣшаны два Климента въ одно лицо, какъ нѣтъ основанія отрицать, что Климентъ—епископъ и писатель—былъ ученикомъ свв. Кирилла и Меѳодія, и отрывать его имя отъ знаменательнаго факта перехода учениковъ ихъ изъ Моравіи въ Болгарію. *И это событіе, и участіе въ немъ Климента, при святѣ житія Наума и другихъ указанныхъ свидѣтельствъ, должны быть признаны фактами несомнѣнной исторической дѣйствительности*. Отсюда и съ составителя житія слѣдуетъ снять обвиненіе въ преднамѣренной фальсификаціи и нужно видѣть въ немъ просто тенденціознаго и мѣстами неумѣлаго историка. И если И. И. Срезневскій когда-то назвалъ Голубинскаго его суровымъ прокуроромъ, который замѣчаетъ въ

его произведеніи одни только погрѣшности и не хочется знать достоинствъ, то безпристрастнымъ судомъ критики должно быть вынесено относительно него заключеніе: виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія. Его сообщенія относительно жизни и дѣятельности Климента, очищенные отъ тенденціознаго освѣщенія, риторическихъ прикрасъ и частныхъ погрѣшностей, зависѣвшихъ отъ недостатка его историческаго кругозора, должны послужить основой для біографіи Климента.

II. Краткое житіе св. Климента.

Другой, гораздо меньшій по объему и по количеству сообщаемыхъ свѣдѣній, источникъ для исторіи Климента— краткое житіе его. Извѣстны слѣдующія изданія этого житія: 1) Въ *Ακολούθια τῶν ἁγίων ἐπιταφίμων, ἐν Μοσχολόλει, σφρις* ¹⁾. 2) В. И. Григоровичъ въ 1845 году нашелъ въ Охридѣ новый списокъ въ пергаменной ркп. XIII в. ²⁾ и издалъ его съ нѣкоторыми вариантами по изданію въ *Ακολούθια*, съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями ³⁾. 3) Шафарикъ напечаталъ по списку, доставленному проф. Курціемъ, съ латинскимъ переводомъ послѣдняго ⁴⁾. 4) Бильбасовъ переиздалъ текстъ Шафарика ⁵⁾. 5) Балисчевъ издалъ, вмѣстѣ съ службами въ честь Климента, славянскій переводъ житія, помѣщенный послѣ 6 пѣсни канона, по ркп. (? вѣка) А. Чакърова, снабдивъ славянскій текстъ греческимъ по ркп. охридянина Бодлева и латинскимъ переводомъ Курція ⁶⁾. 6) Славянскій переводъ изданъ также *Πορδανολίῳ* *Ιβανοβυμῳ*-по рукописному прологу XV в. *Ζογραφεσκαго мон.* ⁷⁾. 7) Въ новс-

1) Этому изданію не слѣдуетъ смѣшивать съ мосхопольскимъ изданіемъ 1741—2 гг. Хотя *Ακολ. ἐπιταφ.* входитъ и въ послѣднее, но сиваксарнаго житія Климента тамъ нѣтъ.

2) Миклошичъ находитъ основаніе относить эту ркп. къ началу XIV в. Vit. Clem., XXII.

3) Изысканія о слав. апостолахъ, произведенныя въ страхахъ Европ. Турціи. *Журн. мин. нар. пр.*, 1847, ч. 53, стр. 1—28.

4) *Prámtky hláholského písemnictví, V Praze, 1859, LVII—LIX.* На чешскій языкъ переведено трудами Шафарика и Григоровича. *Čas. Mus. C.*, 1847, V, 516—521.

5) Кир. и Мее., II, 301—306.

6) Клим. Слов., вѣ—л̄.

7) Български стар., 59—63.

греческой передѣлкѣ житіе вошло въ *Συναξαριστῆς Νικοδημου Ἀγιορείτου* (ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1842), подѣ 22 ноября. По словамъ *агиорита Никодима*, въ основѣ изданнаго здѣсь текста *лежитъ* древняя рукопись, найденная имъ въ аеонскомъ протатѣ. Кромѣ того, онъ имѣлъ у себя пространное житіе въ изданіи Памперей и *Ὁὲρ. Κρίσις*, откуда внесъ нѣкоторыя свѣдѣнія отчасти въ основной текстъ, отчасти въ примѣчанія. 8) *Μέγας συναξαριστῆς πάντων τῶν ἑσίων... ἐκ τῆς Δουκῆς* (*Ἐν Ἀθήναις*, 1896). Дословная перепечатка текста и примѣчаній изъ синаксариста Никодима. Кромѣ указанныхъ изданій намъ извѣстенъ еще одинъ греческій списокъ житія въ ркп. аеонскаго *Пантелеимон. мон.* № 201, новаго письма, лл. 427—8. По сравненію съ изданіями Григоровича и Шафарика этотъ списокъ заключаетъ въ себѣ варианты, въ большинствѣ случаевъ совпадающіе съ особенностями текста, вошедшаго въ *Ἀκολουθία* и отмѣченными Григоровичемъ ¹⁾.

Несомнѣнно, что краткое житіе составлено на основаніи пространнаго и появилось въ свѣтъ послѣ него ²⁾. Авторъ прямо указываетъ на это, когда свой рассказъ о гоненіяхъ на Климента и его учителей со стороны еретиковъ сопровождаетъ указаніемъ: *ὡς ἡ κατ' αὐτοῦ διεξοδική ἱστορία διέξειν*, „какъ рассказываетъ подробная ихъ исторія“ (§ 5). Въ суц-

¹⁾ У *Ламброса*, въ *Catalogue on the greek manuscr. on m. Athos*, II, свѣдѣнія объ этой ркп. на стрр. 320—2. Житіе Климента тамъ не отмѣчено. За указаніе и предоставленіе фотографіч. свѣмки съ этого текста приношу благодарность проф. *П. А. Лаврову*.

²⁾ Литература, посвященная краткому житію, значительна. Наибольше интересны слѣдующія изслѣдованія и замѣтки. *Šafarik*, Ueber den Ursprung und die Heimath d. Glagolit. Prag. 1858. S. 4—6. *Ламанскій*, О славянахъ въ Малой Азій, Африкѣ и Испаніи. СПб. 1859. 153—4. *Викторовъ*, Посл. мнѣніе Шафарика о глаголицѣ въ *Литт. русск. лит. Тихомирова*, т. II (1859), 105 и сл. *Гильфердингъ*, Кир. и Меѳ. въ *Собр. соч.* I т. 320—323. *Leskien*, Zur Kritik d. kürzeren Legende v. h. Clemens въ *Arch. f. sl. Phil.* (1879), III S. 79—83. *Вороновъ*, Главн. ист., 139—145. *Голубинскій*, Св. Конт. и Меѳ. 62—63. *Сырку*, Служба св. Меѳодію. *Фил. Вѣстн.* (1887) XVII, 76—85. Ср. *его-же* Время и жизнь патр. Евѳимія Терп. СПб. 1898 516 и сл. *Іагіс*, Die Neusten Forschungen über die slav. Apostel. *Arch. f. sl. Phil.*, 1880, IV, S. 115. Zur Entstehungsgesch. d. kireheuslav. Sprache. 1900. *Pastrnek*, Cejin slov. apost 31. *Баласчевъ*, Климентъ еп. Слов. LIX—LXVIII. *Милетичъ*, Къмъ Самуиловия надписъ отъ 993 г. *Изв. русск. археол. Инстит.* въ К.-ль, 1899, IV вып. I, 17, и др.

ности краткое житіе сокращенно и въ общихъ чертахъ повторяетъ основныя извѣстія своего источника, еще больше, чѣмъ въ послѣднемъ, изукрашенныя риторикой и поученіемъ, примѣнительно къ требованіямъ богослужебнаго употребленія житія въ качествѣ синаксаря. Такъ, о подвигахъ Климента, объ отношеніи его къ Меѳодію и Кириллу, о пребываніи ихъ въ Римѣ, о построеніи Климентомъ храмовъ и монастыря въ Охридѣ, о книгахъ, оставленныхъ имъ въ Охридѣ, объ ученіи и чудесахъ, объ отношеніяхъ его къ Борису—Михаилу, о намѣреніи его въ старости отказаться отъ епископской каѳедры и о его сочиненіяхъ—говорится то-же, что и въ пространномъ житіи, только съ сокращеніями и измѣненіями, не всегда удачными, а иногда прямо невѣжественными. Слишкомъ поверхностный характеръ пересказа и недостаточная историческая освѣдомленность автора имѣли своимъ слѣдствіемъ цѣлый рядъ историческихъ несообразностей, анахронизмовъ и искаженій подлинника. Такъ, переводъ св. Писанія приписывается одному Кириллу (2); Клименту приписывается крещеніе Бориса—Михаила, изъ котораго дѣлаются два лица; Михаилъ становится сыномъ Бориса и смѣшивается съ Симеономъ (12); Меѳодій возводится папою въ санъ архіепископа Моравіи и Болгаріи, а Климентъ, епископъ всего Иллирика, дѣлается подчиненнымъ ему (6—7). Но кромѣ такихъ сообщеній, которыя легко объяснить изъ бѣгло пересказа пространнаго житія, здѣсь есть нѣкоторыя данныя, ведущія свое происхожденіе изъ другихъ источниковъ.

Въ первыхъ строкахъ житія о происхожденіи Климента авторъ говоритъ: *τὸ μὲν γένος εἶλεν ἐκ τῶν Ἑσθραίων Μισθῶν, οὗς καὶ Βουλγάρους ο λαὸς εἶδεν ἄθρολος*. „онъ производилъ родъ свой отъ *европейскихъ мизовъ*, которыхъ простой народъ называетъ болгарами“. И далѣе такъ объясняетъ появленіе мизовъ: „въ древности вытѣсненныя рукою и властью Александра изъ-подъ Олимпа, что близъ Прузы, къ Сѣверному океану и Мертвому морю, они, по прошествіи многихъ лѣтъ, огромною силою перешли Дунай и заняли всѣ смежныя земли: Паннонію, Далмацію, Фракію и Иллирикъ, а также значительную часть Македоніи и Фессаліи“ (1). Название болгаръ—*мизами*, а Болгаріи—*Мизіей* обычно у византийскихъ писателей. Чтобы не повторять примѣровъ, уже не

разъ приводившихся изслѣдователями, достаточно указать на надпись, сохранившуюся на одной изъ стѣнъ церкви св. Софїи въ Охридѣ: ὁ Γρηγόριος(?)... ἀρχιεπὶς ἐγειρας τὸν θεόγραφον τόμον: ἔθνη τὰ τῶν Μισσῶν ἐκδιέσχευε πασσοῦως. ἔτους 6825 (=1317)¹⁾. Эта надпись свидѣтельствуеъ о томъ, насколько прочно укоренилось къ 14 вѣку названіе болгаръ мизами въ самой Охридѣ, однимъ изъ владыкъ которой, какъ увидимъ, вѣроятно было написано и житіе. Свѣдѣніе о мѣстопребываніи древнихъ мизовъ при Олимпѣ въ Малой Азіи находитъ себѣ параллели у другихъ византійскихъ писателей, напр., у *Зонары* (...τῆς Μισίας, τῆς πρὸς τῇ Ὀλύμπῳ²⁾). О переселеніи въ 4 вѣкѣ до Р. Х. нѣкоторыхъ еракійскихъ племенъ, тѣснимыхъ Александромъ Вел. къ сѣверу, также есть свидѣтельства, хотя мизы къ этнмъ племенамъ въ нихъ не причислены³⁾. Такимъ образомъ, сообщенія житія о мизахъ отражаютъ за собою вполне опредѣленныя представленія византійскихъ писателей, нашедшія себѣ мѣсто въ памятникахъ, и только подробность о передвиженіи мизовъ при Александрѣ Македонскомъ, повидимому, лишена соотвѣствующихъ параллелей.

Другое дополнительное сообщеніе житія, заслуживающее вниманія, касается епархіи Климента: онъ былъ поставленъ епископомъ *всего Иллирика*, при чемъ Охрида, или Лихниды, была *митрополіей окружныхъ городовъ Иллировъ*. Это сообщеніе, сообразно съ догадками Григоровича и Воронова⁴⁾, можетъ быть удовлетворительно объяснено изъ книжныхъ свѣдѣній автора о значеніи Первой Юстиніаны, съ которой онъ какъ будто отождествляетъ Охриду. Такъ какъ Первая Юстиніана была митрополіей всего Иллирика, то сближая, а можетъ быть, уже и отождествляя съ ней Охриду и дѣлая Климента епископомъ Охриды, онъ и его епископію отождествляетъ съ Иллирикомъ. Что оба указанная сообщенія, дѣйствительно, восходятъ къ существовавшему во время

1) Надпись эта въ числѣ другихъ охридскихъ надписей была задана уже много разъ. См., напр., у *Йорд. Иванова*, Български стар., 211.

2) *Migne*, Pat. gr., т. 134, col. 773—4.

3) *Вороновъ*, 144.

4) *Григоровичъ*, Изысканія, 7 и сл.; *Вороновъ*, ор. с., 181—2.

автора преданію о происхожденіи Климента отъ мизовъ-болгаръ и объ епископской власти его надъ всѣмъ Иллирикомъ, это доказывается однимъ изъ житій Наума, до сихъ поръ остающимся мало замѣченнымъ въ литературѣ. Это житіе нужно отличать, съ одной стороны, отъ древняго славянскаго житія Наума, а съ другой отъ позднѣйшаго греческаго, составленнаго кѣмъ-то изъ москопольцевъ и вошедшаго въ извѣстную москопольскую книгу аколоуѣй, а оттуда перепечатаннаго *Гильфердингомъ* ¹⁾. Славянскій текстъ его, представляющій собою, очевидно, переводъ съ греческаго, изданъ,—къ сожалѣнію, совершенно неудовлетворительно,—по ркп. XVI в. въ *Гласникѣ* ²⁾. Оно составлено на основаніи пространнаго житія Климента, но съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній, при чемъ въ передачѣ историческихъ фактовъ въ немъ нѣтъ той спутанности и грубыхъ погрѣшностей, какими отличается позднѣйшее житіе Наума ³⁾. Для насъ важно, что дополнительныя свѣдѣнія этого полузабытаго житія, касающіяся Наума, стоятъ въ связи съ обѣими отмѣченными выше особенностями краткаго житія Климента. О происхожденіи Наума въ его житіи говорится: **Сынъ преподобныи и великѣи отцѣ Наумѣ прозскѣ къ Мисію. Древнѣйшее**

¹⁾ *Русск. Бес.* 1859. II, 136—144.

²⁾ *Гласникъ срп. уч. др.* 1885, кн. 63. *Ковачевичъ*. Неколько прилога за црквену и полит. историју јужних словена, 1—4. Ркп. подарена была *Горданомъ Х. Константиновичемъ* покойному проф. *Пантѣ Срежковичу*, который упоминаетъ о ней въ своей *Истор. српскога народа*, кн. I, стр. 303. Въ настоящее время не поступила-ли она въ библиотекѣ Бѣлградской дух. семинаріи вмѣстѣ съ другими ркп. Срежковича?

³⁾ Переводнымъ считать это житіе слѣдуетъ на основаніи языка. Нѣкоторыя погрѣшности его естественнѣе всего отнести на счетъ славянскаго перевода (вохвъ Виглиско вм. Вихингъ, Радиславъ вм. Боритаканъ, Мынсія вм. Мисія). Къ числу интереснѣхъ подробностей житія относятся упоминаніе о постройкѣ Наумомъ обители въ честь арх. Михаила съ богатствомъ (=на средства?) и повелѣніемъ близкостяга царя болгарскаго Мѣхана Борниа и сына его Сумсола царя, тогда текуще лето 903 (=905). Заслуживаетъ вниманія также замѣчаніе о томъ, что послѣ смерти Наума скрѣпляетъ се ѣстное тѣло его кожестѣйными рѣчми архіереа Христова Климента. О томъ, что Наумъ умеръ раньше Климента, говорятъ и древнее славянское житіе перваго. Къ сожалѣнію, намъ остался неизвѣстенъ греческій текстъ житія, на который можно возлагать нѣкоторыя надежды относительно уясненія того темнаго мѣста славянскаго перевода, гдѣ рѣчь идетъ о мѣстѣ епископскаго служенія Климента.

славянское житіе Наума называетъ его *братомъ* Климента, вѣроятно, въ прямомъ смыслѣ, такъ какъ въ переносномъ— не принято было называть епископа братомъ священника или простого монаха. Слѣдовательно, упоминанія о происхожденіи Климента и Наума отъ болгарь-мизовъ въ житіяхъ обоихъ должны восходить къ одному общему преданію. Далѣе мѣсто дѣятельности Климента и Наума въ житіи послѣдняго изъ нихъ опредѣляется, какъ „страны Иллирійскія и Лихнидонскія“, что также соотвѣтствуетъ показанію житія Климента объ его епископствѣ надъ всѣмъ Иллирикомъ. За обѣими совпаденіями видна общность источника,— письменнаго или устнаго,—распространеннаго на берегахъ Охридскаго озера и использованнаго составителемъ житія Климента въ интересахъ полноты біографическихъ сообщеній. Разумѣется, онъ не входилъ въ критическую оцѣнку позаимствованныхъ свѣдѣній, потому что такая оцѣнка была ему мало доступна и мало его интересовала. На самомъ дѣлѣ, если сказаніе о Климентѣ-епископѣ всего Иллирика явилось результатомъ перенесенія на Орхиду историческихъ свойствъ Первой Юстиніаны, то преданіе о болгарскомъ происхожденіи Климента является литературнымъ фактомъ, съ которымъ біографу Климента такъ или иначе слѣдуетъ считаться.

Какъ на источникъ своихъ свѣдѣній составитель житія ссылается еще на монументальные памятники, сохранившіеся до его времени. Вслѣдъ за упоминаніемъ объ уцѣлѣвшихъ книгахъ, писанныхъ рукою Климента и уважаемыхъ народомъ, онъ продолжаетъ: „можно видѣть въ Главеницѣ также и столбы каменные сохранившіеся, на которыхъ начертаны письма, изображающія обращеніе ко Христу и утвержденіе всего народа“ (10). Къ сожалѣнію, изъ этихъ словъ не видно, касаются-ли надписи на столбахъ біографіи Климента, или ему принадлежитъ самое устройство столбовъ съ надписями, но достовѣрность упоминанія нашего памятника можно считать несомнѣнною. Обычай употребленія столбовъ для увѣковѣченія памяти о выдающихся событіяхъ и лицахъ былъ очень распространенъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ частности у болгаръ. Уже открыто немало такихъ столбовъ съ надписями изъ древней болгарской исторіи,—напр., столбы Омортага, Симеона, Асѣня II и др.

Наиболѣе важное свидѣтельство житія касается славянской азбуки. Составитель говоритъ о Климентѣ: *εβορίσαστο δὲ καὶ χαρακτήρας ἑτέροους [вар. ἑτέρων ¹⁾] χαρακίτων πρὸς τὸ σαφέστερον, ἢ οὗς ἐξεύρησεν ὁ σοφὸς Κύριλλος*, т. е. „онъ изобрѣлъ также знаки другіе письменъ [вар.: другихъ или нѣкоторыхъ письменъ] для болѣе явности, отличные отъ тѣхъ, которые изобрѣлъ мудрый Кириллъ“. Стремленіе объяснить это загадочное мѣсто породило въ литературѣ разнообразіе мнѣній, дѣлающее до сихъ поръ открытымъ вопросъ объ его историческомъ достоинствѣ. Последнее обычно опредѣляется двоякимъ путемъ: критическимъ анализомъ всего житія или же подробнымъ разсмотрѣніемъ вопроса о двухъ азбукахъ— глаголицѣ и кириллицѣ. Но анализъ житія самъ по себѣ не можетъ дать основаній для окончательнаго принятія или непринятія этого свидѣтельства. Житіе представляетъ собою обработку крайне разнообразнаго, по своему происхожденію, матеріала,—какъ историческаго, такъ и основаннаго на преданіяхъ или на монументальныхъ памятникахъ, иногда легендарнаго или основаннаго на неумѣломъ обращеніи автора съ источниками и потому явно несообразнаго. При такомъ разнообразіи источниковъ достовѣрность свидѣтельства объ изобрѣтеніи Климента новыхъ письменъ можетъ быть признана и можетъ быть опровергнута—въ зависимости отъ цѣлаго ряда другихъ данныхъ, относящихся къ исторіи алфавитовъ. Однакожъ, не выходя за предѣлы содержанія и текста житія, можно думать, на основаніи совершенной явности и самостоятельности приведеннаго мѣста, что оно, вопреки мнѣніямъ Лескина ²⁾, Гильфердинга ³⁾ и Голубинскаго ⁴⁾, не есть амплификація или результатъ недоразумѣнія автора въ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ пространнаго житія, въ которыхъ идетъ рѣчь объ обученіи дѣтей начертанію письменъ или объ изобрѣтеніи имъ простыхъ и ясныхъ (*σαφέτε*) поученій. На основаніи аналогіи съ другими разобранными сообщеніями, можно думать, что и это свидѣтель-

¹⁾ Такъ въ *Ag. lat.* и въ ркп. *Пантел. мон.* *ἑτέρος* въ средневѣковомъ греческомъ значить не только *другой*, но и *нѣкоторый* ·-τις · ц.-слав. **иѣтерѣ**.

²⁾ *Arch. f. sl. Phil.* III, S. 83.

³⁾ Собр. соч. I, 320—3.

⁴⁾ Конст. и Мев. 62—3.

ство восходитъ къ вполне опредѣленному преданію, пользовавшемуся большимъ довѣріемъ во время составленія житія.

Что касается времени составленія житія, то старое мнѣніе Шафарика о принадлежности его X вѣку давно уже уступило мѣсто въ ученой литературѣ убѣжденію въ болѣе позднемъ происхожденіи его. Крайній предѣлъ, позже котораго не могло появиться житіе, опредѣляется обычно XIII-мъ вѣкомъ, къ которому отнесена Григоровичемъ рукопись съ изданнымъ имъ текстомъ. Предположительно время написанія его относятъ къ XII вѣку (*Викторовъ*), частіе—къ первой половинѣ XII в. на основаніи предполагаемой зависимости отъ него Дюканжева каталога, составленнаго, по Голубинскому, въ половинѣ XII в. (*Лескинъ*), или на основаніи еще не вполне ясно выраженнаго въ немъ отождествленія Охриды съ Первой Юстиніаной (*Вороновъ*); относятъ его также ко второй половинѣ XII в. и даже ко времени не ранѣе первой четверти XIII—на основаніи предполагаемой зависимости житія отъ Дюканжева каталога (*Дриновъ*). Намъ кажется, вопреки мнѣнію Воронова, въ самомъ житіи можно найти нѣкоторыя данныя для опредѣленія эпохи его написанія. Если сопоставить съ краткимъ житіемъ пространное, невольно бросается въ глаза въ первомъ изъ нихъ какое-то особенно тенденціозное обращеніе автора съ этнографическими и географическими терминами, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. Авторъ положительно избѣгаетъ называть болгаръ ихъ собственнымъ именемъ и предпочитаетъ ему названіе *Μίσοι* (§§ 1, 2, 5, 7), считая терминъ *Βουλγάροι* простонароднымъ. Производя родъ Климента отъ европейскихъ мизовъ, онъ замѣчаетъ о нихъ: οὗς καὶ Βουλγάρους ὁ λαὸς εἶδεν ἄφροολοι, т. е. которыхъ простой народъ называетъ болгарами ¹⁾. Общепринятія славянскія названія городовъ и странъ такъ же несимпатичны ему, какъ симпатичны греческія. О мѣстѣ жизни и дѣятельности Климента житіе повѣствуетъ: „проводилъ онъ жизнь въ Лихнидонѣ, городѣ Илировѣ, митрополіи окружныхъ городовъ, называемой теперь на языкѣ мизовъ Охрида, и въ городѣ Кефалоніи,

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ *Курція* читаемъ: quos Bulgaros vulgus novit (Рам. hlaholského písemn, р. LVII). У *Григоровича* переведено: „которыхъ обыкновенно признаютъ болгарами“ (*Журн. мин. нар. проsv.* 1847, г. 53, 14).

которая на болгарскомъ языкѣ именуется Главиница“ (7). И дальше болгарскія названія уступаютъ мѣсто греческимъ (*ἐν τῇ Κεφαλόνια*—10—вм. Главиница) или стоятъ тѣ и другія рядомъ (*ἐν τῇ Δουχίδῃ ταύτῃ καὶ Δουχίδι*.. 8). Просто *ἐν τῇ Δουχίδι*, безъ соотвѣтствующей греческой параллели, употреблено только одинъ разъ (9). Едва-ли можно оспаривать, что пренебреженіе къ болгарскимъ названіямъ народа и городовъ имѣетъ болѣе основательную причину, чѣмъ простую національную гордость автора-грека. Ключъ къ уясненію этой тенденціозной черты нашего памятника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ рѣшенію вопроса о времени происхожденія его, кажется, можетъ дать характеръ отношеній грековъ къ болгарамъ въ эпоху подчиненія послѣднихъ первыми въ XII в. По наблюденіямъ *Θ. И. Успенскаго*, съ тѣхъ поръ, какъ Болгарія потеряла свою независимость при имп. Василии II, византійское правительство всѣми силами стремилось подчинить эту провинцію греческому господству, подавить славянскую національность, ввести здѣсь византійскую администрацію, устройство, судъ, систему податей и т. д. Въ интересахъ византійской политики было—какъ можно менѣе позволять говорить о *болгарахъ*. Поэтому въ XII в., особенно при Іоаннѣ и Мануилѣ Комнинахъ (1118—1180), самое имя Болгаріи и болгаръ какъ будто было изъято изъ обращенія; оно не упоминается больше у писателей XII в., а если и встрѣчается, то не въ политическомъ и не въ этническомъ смыслѣ. *Ι. Киннамъ* и *Н. Акоминатъ* старательно избѣгаютъ называть болгаръ ихъ собственнымъ именемъ. Подъ перомъ византійскихъ писателей этой эпохи оно замѣняется именемъ мизовъ, волоховъ, обитателей Балканскихъ горъ, загорцовъ. Въ XIII в., когда Болгарія счастливо окончила начатую съ Византіей борьбу, этнографическій и географическій терминъ *Βολγαρία* снова приобретаетъ утраченное прежде значеніе ¹⁾. Отмѣченные признаки нашего памятника, какъ нельзя болѣе, отвѣчаютъ тенденціи византійскихъ писателей XII в. Въ своемъ стремленіи слѣдовать современной византійской политикѣ авторъ житія доходитъ до прозрачныхъ намековъ на то, что болгары

¹⁾ *Успенскій*, Образов. втор. болгарскаго царства, 57, 103—105. Ср. *Arch. f. Slav. Phil.*, XXI (1899), S. 546. *Ireček*. Die cyrillische Inschrift v. Jahre 99:

являются лишь насельниками на чужой имъ землѣ: *Κλήμης εἰς τὸν ἐπισκοπικὸν θρόνον ἀνάγεται πατὴρ τοῦ Ἰλλυρικῶ καὶ τοῦ κρατοῦντος τῆς χώρας Βουλγαρικῶ ἔθνους*, т. е. „Климентъ возведенъ на престолъ епископскій всего Иллирика и обладающаго землею народа болгарскаго“ (6). Естественно думать, что такъ выражаться и преслѣдовать такія тенденціи могъ только грекъ, жившій въ эпоху подчиненія болгаръ грекамъ, скорѣе всего во второй половинѣ XII в. или въ началѣ XIII-го.

Въ виду того, что житіе представляетъ собою синаксарь, предназначенный для цѣлей богослужебнаго употребленія, весьма правдоподобнымъ кажется предположеніе Баласчева, что оно написано однимъ изъ составителей службъ—охридскихъ архіепископовъ. Такимъ составителемъ не могъ быть ни Константинъ Кавасила (1255—1260), ни Григорій (нач. 14 в.), потому что время жизни ихъ не совпадаетъ съ указанными внутренними признаками житія и въ частности потому, что службы перваго изъ нихъ не переведены на славянскій языкъ, какъ синаксарь. *Естественнѣе всего видѣть автора въ Димитрій Хоматіанъ, архіепископъ Охридскомъ конца XII и начала XIII вв.* Впрочемъ, коллективный составъ службъ дѣлаетъ возможнымъ предположеніе и о принадлежности синаксаря какому-нибудь иному автору, не упоминаемому въ надписаніяхъ канонѣвъ.

Н. Туницкій.